

Елена Мамардашвили
ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКТОРА
К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ КНИГИ

Издаваемый курс лекций был прочитан Мерабом Константиновичем Мамардашвили в Вильнюсском университете летом 1981 года.

В апреле 1981 года М. К. получил приглашение от Альгирдаса Дегутиса прочесть курс по социальной философии для слушателей летней школы секции молодых философов Литовского философского общества и с готовностью согласился. В письме от 20 апреля 1981 года он пишет из Тбилиси (куда в 1980 году был вынужден уехать, оставив Москву, в которой жил с 1949 года): *«Уважаемый Альгирдас! Я с удовольствием приехал бы к вам на тех условиях, о которых Вы мне сообщили, — на одну или две недели в июле. Лучше было бы, наверное, две недели, поскольку я никогда в Литве не был, и давно мечтал об этом. Но это как будет. Что касается конкретной темы курса (! — Как говорил один мой довольно известный земляк русскому писателю: „Целую пьесу написал?! Молодцы!“), то мне довольно затруднительно ее обозначить. Может быть: „Анализ сознательных форм как проблема социальной философии“? Подойдет ли? Искренне Ваш, с благодарностью за приглашение. М. Мамардашвили»¹.*

В архиве М. К. сохранилась никем не правленная стенограмма лекций, сделанная Альгирдасом Дегутисом, Арунасом Свердиоласом, Томасом Содейкой в 1981 году. Этот архивный документ и фонограммы лекций, любезно присланные мне из Вильнюса Альгирдасом Дегутисом (к сожалению, не сохранилось полной аудиозаписи всего курса), составили основу нашего издания. Предварительное название курса было изменено автором на «Опыт физической метафизики». Мы также

¹ Сохранены авторские знаки препинания. — *Примеч. ред.*

выполняем пожелание М. К. относительно подзаголовка названия (Вильнюсские лекции по социальной философии).

Вокруг проблемы, следует ли публиковать материалы из архива М. К. и как это следует делать, друзья и коллеги М. К. дискутировали в свое время на философских чтениях, посвященных его памяти. После смерти М. К. состоялось три таких чтения. Соответствующие материалы опубликованы в сборниках: Конгениальность мысли. М., 1994; Встреча с Декартом. М., 1996; Произведенное и названное. М., 1998. Характер этих дискуссий резюмирован репликой В. Калиниченко: «Да, мы знаем, есть вещи, которые не передаются текстом... Но не надо так драматизировать Мераба. Говорение ведь тоже текст, всего лишь текст. Разумеется, этот текст был сцеплен с его индивидуальностью, голосом, жестом, трубкой, наконец... Да, мы, кто его знал, обречены слышать его интонацию. Но разве это не псевдопривилегия по отношению к тому, что он говорил».

Преобразование устного текста М. К. в его письменную версию — случай отнюдь не беспрецедентный, тут нельзя сделать «открытий» и не нужно впадать в пафос. В одной из книг «семинаров» Жака Лакана редактор Ж.-А. Миллер поместил (отдельным текстом) следующее примечание: «Мы постарались здесь, не привнося ничего от себя, предоставить в распоряжение читателя транскрипцию устного наследия Жака Лакана — транскрипцию достоверную и способную заменить в будущем несуществующий оригинал. Стенографическую запись — запись, изобилующую недоразумениями и не передающую жест и интонацию говорящего, — считать оригиналом, безусловно, нельзя. Без нее, однако, было не обойтись. Именно она была для этого издания тщательно, слово в слово, выверена и восстановлена — потеряно оказалось в общей сложности не более трех страниц. Труднее всего было внести пунктуацию, ибо каждый знак препинания — будь то запятая, точка, тире или двоеточие — мог в отношении смысла оказаться решающим. Но только этой ценой удалось получить в итоге вразумительный текст, и текст других семинаров будет в дальнейшем готовиться к печати таким же образом».

Текст вильнюсских лекций открывает новый цикл работы над архивными материалами М. К., поэтому целесообразно с самого начала определиться с некоторыми аспектами редакторского подхода. Подробности изложения самих принципов редактирования могут показаться излишними, но сегодня позиция редактора текстов Мераба Мамардашвили должна быть максимально прозрачна.

Безусловно, первое и самое главное правило, которым должен руководствоваться редактор, приступающий к работе с архивом М. К., — это «правило вежливости — презумпция ума философа», заставляющее «помнить о неслучайности слов», и второе, редактор должен совершенно ясно отдавать себе отчет в том, что он работает с архивом, а не пишет текст вместе с автором или вместо автора.

Следующий важный момент, который следует сразу оговорить, — это то, насколько редактору возможно учесть и сохранить «авторскую интонацию, манеру устной речи». Эта тема возникала и обсуждалась многократно в связи с архивом М. К. Понятно, что под устной речью здесь подразумевается устный текст, а не устная речь в ее филологическом определении. Для удобства мы будем отличать особенности устного текста как именно текста и особенности, сопровождающие его представление в живом исполнении, к которым, собственно, мы и должны отнести «авторскую интонацию, манеру устной речи». Она, кроме прочего, является в живом произнесении определенным средством управления устным текстом как текстом; в частности, она является особым способом расстановки знаков препинания в целостной голосовой представленности текста. И если бы говорящий не расставлял этих «живых» знаков препинания, мы не смогли бы понимать его речь со слуха.

Что же из всего того, что является «авторской интонацией, манерой устной речи», можно записать в письменном тексте? Очень мало: вопросительную и повествовательную интонацию. Для этого есть соответствующие знаки препинания. При этом вопросительную интонацию можно опознать, не слушая речи и «ловя» эту интонацию: сама структура текста содержит указание на наличие вопроса. То же и с восклицательным знаком. Расшифровщик пользуется им, скорее сообразуясь с правилами пунктуации, чем отмечая моменты эмпазы, и ориентируясь на наличие в лексике кратких и распространенных обращений, различных характерных частиц, повелительного наклонения, различных междометий и так далее. И это все, что из физически фиксированного в фонограмме представимо в письменном тексте. Хотя колоссальные возможности, которыми располагает голос, живая речь, фиксируются фонограммой вещественно, письменный текст не располагает графическими средствами их отображения.

Живые знаки препинания справляются с дыханием автора. Но дыхательные паузы, паузы, завершающие мысль, интонационные паузы внутри непрерывности мысли, выделяющие

значимость каких-то отдельных слов или словосочетаний, для слушающего фонограмму имеют, условно выражаясь, разные голосовые «протяжки»; их нюансы слишком тонки и многочисленны, чтобы быть различимыми по сравнению с явно, однозначно существующей вещью, а именно паузой как фиксированным временным интервалом.

Расшифровщик чутко реагирует на паузы, но отдифференцировать паузы по характеру и выбрать знак препинания во время своей работы он не может и чаще всего пользуется либо точкой, либо тире (анализ стенограмм это легко обнаруживает). Но паузы говорящего — это не то же, что точка, тире в письменном варианте текста. Таким образом, там, где у говорящего в реальной целостной представленности голосом нет пауз (они скорректированы интонацией, манерой речи и другими средствами), они появляются в письменной версии, и на самом деле происходит не сохранение «авторской интонации, манеры устной речи» из того, что составляет голосовое сопровождение текста, а привнесение того, что в ней реально отсутствует. Там, где была непрерывность речи, возникла разорванность, изменилась стилистика речи. Теперь речь автора постоянно спотыкается на этих сильных знаках препинания.

Эти попытки уловить «авторскую интонацию, манеру устной речи», уловить то, что зафиксировать в письменной версии текста невозможно, могут иногда приводить (и приводят) к изменению смысла. Следует отказаться от иллюзий сохранения их в письменной версии и, в частности, от многих знаков препинания расшифровщика, от их психологического давления на редактора и читать письменную версию как бы поверх них, ориентируясь на задачу сохранения смысла говоримого, обеспечения непрерывности мысли, создания эквивалентов такой непрерывности, сохранения стилистики авторской речи, используя в пунктуации соответствующие правила и нормы. В письменном варианте нужны теперь уже другие «протяжки», которые определяются нормами языка, по которым мы читаем, а не слушаем.

Особенности устного текста, которые являются характерными именно для данного автора в лексике, стилистике, логике, композиции должны быть сохранены. М. К. любит длинную фразу с вводными, уточняющими вставками. Последние могут быть гораздо длиннее, чем основная часть, и сами представлять отдельный рассказ с рядом сложносочиненных, сложноподчиненных предложений и даже их иерархией. Но для сохранения длинной многослойной фразы, ее дления в русском языке есть

соответствующие средства оформления. Якобы «трудная, как-то ступенчатая, располагающаяся сразу в нескольких грамматических и смысловых плоскостях»¹ речь М. К., вполне вписывается в форму грамматического предложения, и синтаксис и грамматика позволяют это сделать (в том числе и потому, что речь не может располагаться «сразу в нескольких грамматических плоскостях»). И конечно, работа редактора вовсе не предполагает, что в тексте должны быть «уже в основном стерты следы и приметы речи Мамардашвили»².

Одним из случаев, когда необходимо редакторское вмешательство, является случай, когда окончание основного предложения согласуется грамматически не с его началом, а с окончанием вводной части. И если мы хотим сохранить целостную конструкцию в авторском варианте, вмешательство редактора необходимо, чтобы привести ее в нормативный вид с помощью деепричастных оборотов, причастий, союзов и других грамматических средств, не членив саму конструкцию и не заменяя ее рядом предложений, тем более не пересказывая собственными словами.

Пунктуационные сигналы устного текста, оказавшись без голосовой и других авторских поддержек, нуждаются в замене пунктуационными сигналами письменного текста, а разрывать ими текст или не разрывать, «усекать» или не «усекать» — это как раз вполне во власти редактора и зависит от выбора критериев такого усечения. Анализ стенограмм показывает, что в них в изобилии на правах законченных предложений присутствуют причастные, деепричастные обороты, придаточные предложения, которые по нормам письменного языка не существуют самостоятельно, а присоединяются к тому, что определяют, уточняют, чему подчиняются, не точкой, а запятой; точки рвут, отсекают непрерывность письменного текста. Мы вовсе не хотим утверждать, что это вообще недопустимо, но как систематический прием это приводит к существенным стилистическим потерям, как если бы прустовскую фразу рассекали поперек точками в намерении приблизить прустовский стиль к стилю Харуки Мураками или Довлатова.

Мы считаем нужным сохранять все длинные периоды устного текста с вводными вставками, пояснениями, отступлениями от главной мысли. В связи с этим целесообразно отдавать предпочтение скобкам для выделения вводных вставок, пояснений

¹ *Ознобкина Е.* Одинокий картезианец. — *Примеч. ред.*

² Там же.

и так далее перед двойным тире. Скобки считаются более сильным знаком препинания, но в случае многоступенчатой грамматической конструкции со своими тире скобки целесообразны в силу однозначности своей функции.

Что касается инверсий, то они не являются специфической особенностью устного текста, они существуют и в письменном тексте на законных основаниях; в отдельных случаях они выступают как одно из средств языковой выразительности. Но обилие инверсий в устном тексте не является продуманным и преднамеренным. Здесь другой механизм. И, перенесенные в письменную версию, они хотя и сохраняют текстовую особенность устного текста, но, во-первых, при чтении явно демонстрируют вынужденный механизм их применения (потому что читаем-то мы по нормативным правилам языка), во-вторых, иногда оказываются на таком месте, что без голосовых поддержек могут быть с равным успехом отнесены как к одной, так и к другой части предложения, создавая не только двусмысленность, но даже меняя смысл; в речи автор может голосовыми средствами относить слово на свое место, а в письменной версии нормативная расстановка знаков препинания с этой задачей не справляется. В таких случаях инверсии нами не сохраняются. Инверсии другого рода можно как оставлять, так и устранять, это уже не имеет принципиального значения. В целом мы стараемся от них избавляться как от особенностей, связанных с жесткими временными условиями создания устного текста.

Повторы в тексте носят разный характер: а) повторы слов или словосочетаний внутри предложения, следующие иногда друг за другом или с небольшим интервалом и выполняющие роль передышки, в письменном варианте утрачивают свои функции (такие повторы нами убираются); б) повторы конца фразы, ставящие как бы еще одну точку, в каких-то случаях убираются, в каких-то нет, это не принципиально; в) мы сохраняем повторы формулировок, принципиально содержательных определений, особенно если они были артикулированы как-то иначе, чем первоначально, такие повторы играют роль устных авторских курсивов; г) мы также сохраняем повторы членов предложения, когда фраза разделяется вводным предложением (любой протяженности и конструкции), когда после него автор возвращается к концу прерванного и продолжает; такие повторы играют роль скреп как в тексте устном, так и письменном (в прустовском тексте, например, очень часты такие повторы), для этого случая в правилах пунктуации

русского языка есть специально предусмотренные знаки препинания; д) в устном тексте повторы, играющие роль подержки, говорящий делает и в более простых предложениях: в этих случаях их первоначальная функция ослабевает, и при чтении они могут создавать даже грамматически усложненный эффект, поэтому такие повторы нами убираются.

Все повторы метафор, цитат или ссылок на других авторов нами сохраняются, так как, включенные в новый контекст, они становятся либо более, либо вообще понятными по сравнению с первоначальным использованием и поэтому более продуктивными. Здесь редактор не вправе ориентироваться на свое личное ощущение и лично оценивать игру этих повторов. Таким образом, повторы разные, и редактору следует их различать.

Должен ли редактор, как утверждает Елена Ознобкина, с неизбежностью «пожертвовать и теми постоянными повторами, которые ощущались оправданными действительно только в речи, — они, не давая мысли-речи остановиться в своем непрерывном течении, переводили размышление в новый ряд выразительности»¹? Так вот те повторы, которые играют роль обеспечивающих непрерывность речи, не переводят «размышление в новый ряд выразительности», а те, которые переводят, а это, например, последние из нами приводимых видов повторов, своей функции не меняют при сохранении в письменном тексте. Когда мы убираем первые, это не жертва, а необходимость, определенная спецификой редактируемого текста, а повторы метафор, цитат или ссылок на других авторов, включенные в новый контекст, нужно сохранять: почему, собственно, мы должны лишать автора возможности переводить «размышление в новый ряд выразительности» и в письменной версии текста?

В любом устном тексте возможна ситуация, когда начало предполагавшегося высказывания оставляется, бросается, так сказать, на полуслове или заменяется другим вариантом высказывания или другим словесным оформлением начатого высказывания (со словами «вернее так», «лучше так»). Это хотя и редко встречаемая ситуация в тексте М. К., но в таких случаях тоже надо принимать решение. Здесь возможны разные редакторские подходы. Если брошенное незаконченное начало каким-то образом оказывается все-таки связанным с последующим

¹ Ознобкина Е. Одинокий картезианец.

текстом, то приходится искать возможность поддержать эту связь грамматически и синтаксически, чтобы сохранить авторский текст. Если мы имеем дело с переформулированием начатого высказывания, то мы сохраняем начатое высказывание в том случае, если его можно привести в соответствующий грамматически нормативный вид, если этого сделать нельзя, мы убираем такое высказывание.

Интеркоммуникативные обращения к аудитории, безусловно, придают окрашенность тексту, свидетельствуют о его устном исполнении, в функции напоминания о ранее сказанном они выполняют и продуктивную функцию. В тех случаях, когда интеркоммуникативные вставки явно играют роль обеспечения непрерывности речи («я только что сказал», «я говорил», «я рассказывал»), они нами убираются (кроме тех случаев, когда они так вмонтированы в грамматическую конструкцию, что устранение вставки приведет к ее разрушению); такая их функция в письменном тексте не является оправданной.

Мы также принципиально против редакторской расстановки курсивов, считая, что это может делать только автор (индивидуальная интерпретирующая расстановка курсивов самим читающим — это один из способов смыслового освоения текста). Исключение составляют лишь те слова и выражения, которые приобрели значение существительных или других частей речи, не совпадающее с их нормативным грамматическим назначением.

У М. К. есть излюбленные обороты и слова, например, такие как «а очень просто», «это простая вещь», «забавный», «странный» и ряд других, — мы их сохраняем. А есть те, которые присущи любому устному тексту, «ну», «так вот», «вот это вот», «скажем», «значит» и другие из этого же ряда. Их происхождение связано с необходимостью обеспечить непрерывность речи, они заполняют паузы и одновременно либо дают возможность вздохнуть, либо обеспечивают какой-то временной интервал для подыскания нужного слова, чтобы продолжить речь в следующем ее периоде. Перенесенные в письменный текст как осколки целостного явления, они утрачивают свою функцию, становятся и неуместными, и избыточными деталями текста, поэтому, как правило, мы их убираем.

Мы убираем также оговорки, обмолвки, которые случаются и относятся к неизбежным «обычным флуктуациям потока речи, в которых бывают разные вещи, которые случайны и которые можно отбросить; они бессмысленны» (М. К.). Дела-

ются исправления в случае грамматических несогласований слов (возникающих чаще всего в процессе расшифровки; это очень типичная ошибка), восстанавливаются союзы, предлоги, местоимения, которые мыслятся в устном тексте, но не произносятся, либо убираются лишние. Редактор решает, как поступить в каждом конкретном случае, либо ориентируясь на грамматические нормы, либо на стилистику.

Не претендуя на роль, отличную от роли редактора архивного документа, мы готовили предлагаемый текст вполне традиционно, ориентируясь на принятые в культуре нормы работы с архивными материалами и не внося никаких новаций, с единственной целью — максимально сохранить текст лекций М. К. Добросовестность также требует честно сказать, что там, где нам не удалось за отсутствием фонограмм выверить текст, ошибки могут, вероятно, содержаться, так как ошибки могут содержаться в самих стенограммах. Причины этого — разные. Ошибки зависят, например, от того, кто именно является расшифровщиком, каков его опыт слушания, профессиональная или вообще общекультурная компетентность, насколько он знаком вообще с текстами автора, каково его понимание говорящего. Есть ошибки, которые можно устранить, не обращаясь к источнику: если в стенограмме лекции М. К. обращается к аудитории со словами «...вспомните Канта, основателя позитивизма...», то кто ж, имеющий хотя бы некоторое образование, не знает, что речь, безусловно, идет об Огюсте Конте. Но есть в стенограммах ошибки, создающие при чтении ощущение «темного места» (когда, например, вместо слова «они» расшифровщик фонограммы слышит и пишет «ни», вместо слова «иностраный» — «неоднородный», вместо слова *identity* — слышит и пишет — «эйдетика», не говоря уже о пропусках союзов, предлогов, деформациях окончаний слов и прочее). Тут уж все зависит от редактора, ощущает ли он эту «темноту». Если да, тогда нет другого пути, кроме как обратиться к фонограмме и, не доверяя расшифровщику, прослушать это место. Для нас прослушивание фонограмм вообще является обязательной нормой, ощущаешь ты эту «темноту» или нет, потому что, помимо всего прочего, это помогает в расстановке знаков препинания, в структурировании текста. В случае работы с текстом вильнюсских лекций, когда часть фонограмм не сохранилась, подобного рода проблемы решались редакционным советом.

Я глубоко признательна Олегу Аронсону и безвременно ушедшему от нас Владимиру Калиниченко за действенное участие в подготовке книги к изданию. Хочу также поблагодарить

всех, кто оказывал мне помощь и дружески поддерживал меня в делах, связанных с работой над этим изданием, это: Альгирдас Дегутис, Тапани Лайне, Андрей Парамонов, Елена Петровская, Виктория Лысенко, Ольга Парамонова, Олег Никифоров, Ксения Голубович, Алексей Гараджа, Александра Шередега, Александра Лешневская, Наби Балаев, Никита Мамардашвили, Антон Мордасов. Особой благодарности заслуживает моя мама, Нина Мамардашвили, без чьей помощи и поддержки эта работа не могла бы быть даже начата.

Елена Мамардашвили